

РАСПЛАТА ЗА СУЕТУ

Виталий Коротич признается в том, что многое в жизни делал по-фарисейски

Сергей Шаповал

- В ИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, давайте вернемся к обстоятельствам вашего отъезда из страны.

— Мы заварили замечательную демократическую кашу, у нас произошла большая революция. Каждая революция четко распадается на две части: когда все прыгают на баррикадах с флагами и лозунгами и когда начинают делить пирог. Это совершенно разные фазы, в них принимают участие разные люди. У меня в редакции счастливо сочетались и люди, прыгавшие на баррикадах, и те, кто делил пирог. **Валя Юмашев**, работавший у меня заведомом писем, впоследствии стал одним из главных разрезателей того самого пирога. Передо мной отчетливо встала проблема: либо вписываться в эту забаву, либо воспользоваться одним из предложений поработать на Западе, которыми меня к тому времени просто завалили. Я подумал: почему бы мне не передохнуть годик? Я подписал контракт на год в Бостонском университете. Это был 1991 год. Вскоре у нас начались реформы, и жена сообщила мне, что все наши сбережения превратились в труху. Круг замкнулся. Но мой заграничный опыт оказался положительным в том смысле, что я вдруг стал обретать свою нормальную цену. В Нью-Йорке я как-то встретил хоккеиста **Вячеслава Фетисова**, мы разговорились, и я услышал от него неожиданную тогда для меня мысль: дело не в том, чтобы получить много денег, а узнать свое место, попасть в нормальную систему измерения. То же произошло и со мной. Стали делать какие-то совершенно неожиданные предложения. Меня пригласили поработать в Ротчерстерском университете штата Нью-Джерси. Работая в Бостонском университете, я по

Виталий Коротич.

четвергам летал в Нью-Джерси и читал лекции там. Летом меня вдруг пригласили поработать в Австралии и т.д.

— **А какие курсы вы читали?**

— У меня постепенно определились два курса: «Пресса и власть» — о том, как они друг друга пытаются изменить, и «Запад и прочие» — о том, как разные цивилизации, разные мыслительные системы и системы ценностей пытаются сосуществовать.

Когда здесь все лопнуло, я решил взять к себе сыновей. Один из них учился на третьем курсе факультета журналистики, второй — только окончил школу. К тому времени я стал понимать, что такое социальный контракт. Мы жили в условиях совершенно ненормальных отношений с государством: наше государство, как псих со справкой, может делать все что угодно и ни за что не отвечать.

(Окончание на стр. 14)

264
Независимая газета. — 2000. — 24 сент. — с. 6, 14.

(Окончание. Начало на стр. 9)

В Америке существует четкий контракт и с государством, и с работодателем. В моем контракте было записано, что пока я работаю в университете, мои дети могут там учиться бесплатно. Они пошли на бизнес и менеджмент — хватит журналистики. Им это очень понравилось. Прошел год, мне предложили контракт еще на два года. У меня к тому времени закончилась виза, специальная комиссия присвоила мне статус особо ценного специалиста, и мне дали вид на жительство. Я продолжил работу. Положение было очень неплохим, у меня появились кое-какие деньги. Я у одного богатого еврея купил дачу в Подмоскowie с намерением впоследствии построить на этом участке дом. По прошествии двух лет я подписал контракт еще на три года. Все шло успешно. Я попал в систему, где все зависело только от твоих профессиональных качеств, ни от чего больше. Это необычное и приятное ощущение. Но к концу третьего года я затосковал. Сыновья через год уехали в Москву, они отдавали себе отчет в том, что лет через пять они никому в России не будут нужны, а их родители уже имели свой бизнес. Они уехали и добились своего: у них своя фирма, они ездят на джипах и пр. Единственное, что я для них сделал, — продал старую квартиру, купил им с женой небольшую и им по квартире.

— Вы сказали, что вас посетила тоска, вы могли бы ее описать, какого она свойства?

— У меня все было хорошо, никто меня не обижал, но я понял, что такое быть узбеком или туркменом в Москве. Каждую неделю меня кто-нибудь приглашал обедать, мы садимся, минут десять я рассказываю о Ельцине, и разговор заканчивается. Разговаривать не о чем! Или в эмигрантскую среду — это просто конец света...

Нас всю жизнь заставляли путать три очень важных понятия: родина, государство и страна. Родина — это комплекс сложнейших понятий, государство — это временное политическое устройство на родине, страна — это результат геополитического деления мира. Нам всегда говорили, что родина и государство — это одно и то же. В Америке я увидел, что между государством и человеком существуют партнерские отношения, обусловленные неким контрактом. Я вдруг начал понимать, что не смогу выжить в России, если буду зависим от государства, которое меня категорически не устраивает. Но жить в чуждом государстве я тоже не могу! Я проработал в Америке семь с половиной лет, через пять лет, как известно, и мог бы получить гражданство. Но здесь сработала одна мелочь: если можно не врать, я стараюсь этого не делать. В присяге, которую надо давать при получении американского гражданства, есть слова: «Настоящим я отрекаюсь от всех обязательств, которые я имел по отношению к тому государству, гражданином которого я являлся, и клянусь, что все мои действия будут направлены интересами исключительно Соединенных Штатов Америки». Если относиться к себе серьезно, это слишком важная декларация. Но к тому моменту мне стало ясно, что я смогу обеспечить себе в России независимое существование. Тихонько, на цыпочках я вернулся в Москву.

— Вы не разочарованы своим возвращением?

— Ни в коем случае. Я могу жить сам по себе. Очень много лет я читал то, что читать не хотел, встречался с людьми, которых не хотел видеть, у меня почти не было выбора. Тем не менее, будучи секретарем Союза писателей, лауреатом Государственных премий и прочее, я умудрился не подписать ни одного письма против кого-то, у меня были правила. Когда сегодня говорят, такие были времена, я был вынужден и т.д. — вранье это. Можно было не быть сволочью, это все-таки личный выбор. Сегодня мой взгляд на происходящее в стране довольно сильно отличается от того, что пишут в газетах, но я просто наблюдал. Это не значит, что я сел под корягой и замер. Мне уже не тревожно от того, что я остаюсь самим собой, но при этом хитрю. Я уже могу быть самым собой без всяких хитростей. Когда сегодня я смотрю на моих сверстников, мне много просто жалко...

Может быть, я еще окажусь востребованным. Но при этом у меня, к счастью, абсолютно не возникло стариковского ощущения: какой я умный и многоопытный, а меня никто не ценит! Посмотрим, как все сложится дальше.

— Я хотел бы вернуться непосредственно к эпизоду вашего отъезда в 1991 году, вашему интервью Радио «Свобода», где вы выразили уверенность в том, что вас прямо в аэропорту арестуют и пр. Вам это много раз здесь поминать.

— Ситуация в журнале к тому времени сложилась довольно сложная, отношения стали разлаживаться. Я был хорошим, но старомодным редактором, потому что был никаким менеджером. У меня был заместитель, Лев Гушин, он был хороший менеджер, но ничего не понимал в том, что написано на бумаге. Работал у меня, как я уже говорил, и Вали Юмашев. Достаточно мощная команда для хорошего издания. Но я постепенно стал понимать, что мне нужно сваливать, потому что я могу играть лишь в ту игру, все подробно описать в журнале. В 1989 году меня признают «лучшим редактором мира». Я еду в Америку, Колумбийский университет дает мне грант, создает все условия для работы. Я начал редактировать журнал, летая туда-сюда. Это уже не было настоящим редактированием. К удовольствию Гушина и Юмашева, я сообразил ребята, я еду совсем. Я понимал, что журнал уже хиреет, отчасти по моей вине, потому что я стал им меньше за-

С Евгением Евтушенко на 19-й партийной конференции. Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

РАСПЛАТА ЗА СУЕТУ

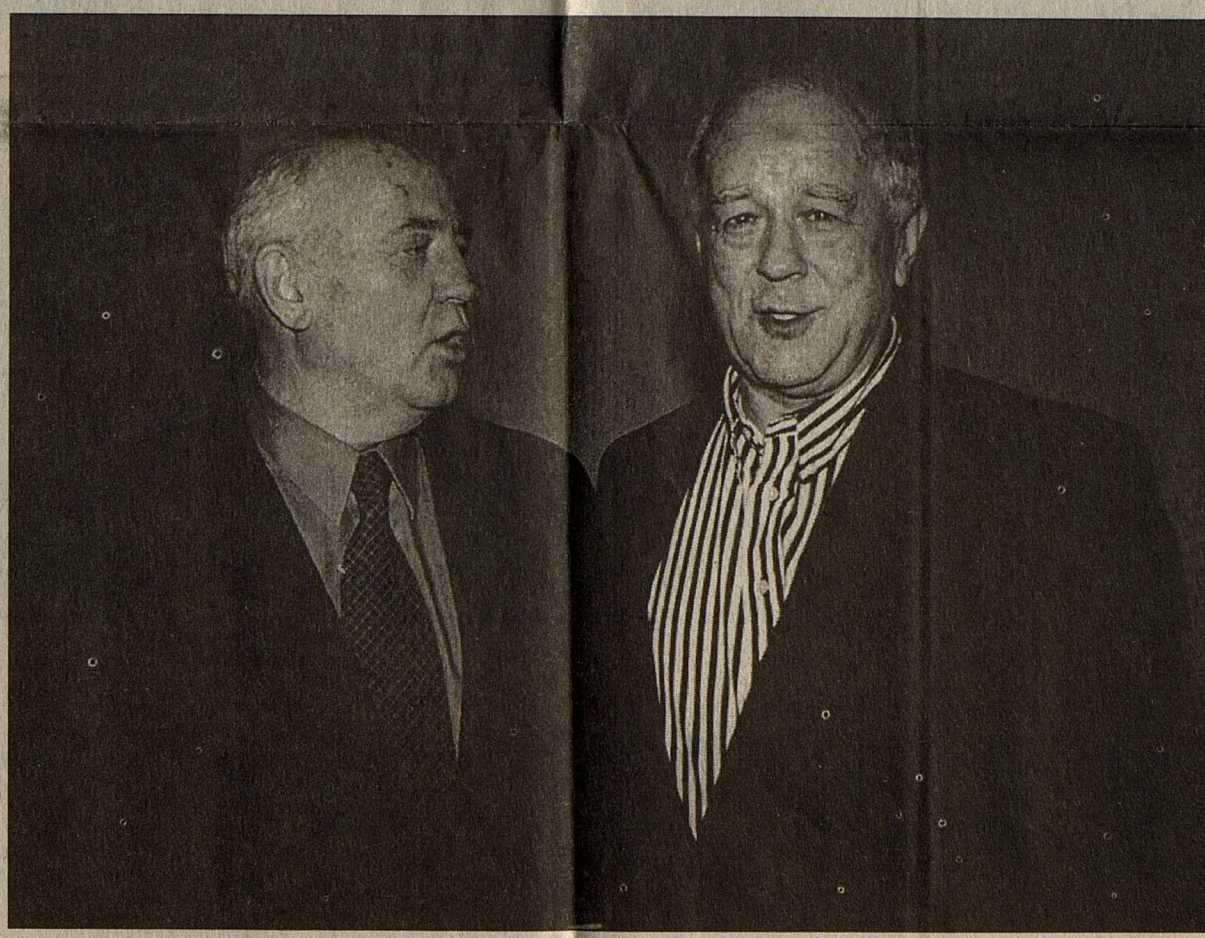
ниматься, в огромной степени по вине людей, которые уже входили в другое время, а я в него входил не хотел. Романтический горбачевский период перестал заканчиваться. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года мне позвонила Лариса Силинская с Радио «Свобода» и сообщила, что в Москве переворот. Что мне делать? Если переворот серьезный, то меня сразу же по возвращении в Москву прихватят. А у меня уже был контракт с Бостонским университетом, занятия должны начинаться в сентябре, у меня появилась идеальная причина не ехать в Москву. Я позвонил Гушину: ребята, вы были на баррикадах, а вам желаю успехов, а мне нужно пожить здесь и пр. Надо сказать, что Гушин поступил чисто: мне посылал номер журнала, напечатала благодарственные письма. Потом я приехал, устроил прощальный бал в ресторане, и мы красиво расстались. Сорваться мы стали позже. Честно сказать, ощущения потери у меня не было, уже нужно было делать другой журнал. Но для этого надо было бы вступить в личную зависимость от Ельцина и его окружения, а это совершенно другая игра.

Кстати, с путчем связана интересная история. Прямо 19 августа я выступил по многим американским каналам, вечером меня позвали на Си-эн-эн, я был в Нью-Йоркской студии, в Вашингтоне сидел беглый казг-боиник, в парике, черных очках — все как полагается. Я стал говорить что-то о путче, хуле и пр., он с той стороны спокойно говорит, это все ерунда, переворот не делается в понедельник, самый удобный день — пятница, к понедельнику люди успокаиваются. Действительно, все быстро улеглось. Я вскоре приехал и встретил Попова, он мне говорит: старик, хорошо, что тебя здесь не было, я через три дня после всего пришел в Белый дом, а там сидит Элла Памфилова и составляет список тех, кто его оборонял. Уже пошла работа!

— Валентин Юмашев для многих остается загадочной фигурой, могли бы вы сказать, что он за человек?

— Он очень надежный сотрудник. Бывают такие люди, которые четко делают то, что им нужно делать. Например, когда прибыла некая делегация, необходимо, чтобы к определенному времени на столе стоял кофе, каждому члену делегации по сувениру и т.д. Я мог десять раз сказать об этом секретарше и не иметь уверенности в том, что все это будет. Вале Юмашеву нужно было сказать один раз. Он человек поразительной точности и исполнительности. Прекрасно заведовал отделом писем. Он мне принес ельцинский мемуар с уверенностью, что я это напечатал, когда я отказался, он был очень удивлен. Дело в том, что незадолго до этого меня позвал Горбачев и стал говорить, что Ельцина нужно размазать, что он сумасшедший, он резал себе вены и пр. Я этого не сделал, но не сделал одного, я не мог делать другое. Вале это было трудно понять. Я сыновьям постоянно твержу: у вас должна быть своя цена отдельно от должности. У Юмашева таковой не было, он что-то представляет из себя в какой-то команде. Он нашел в Лондоне издателя для книжки Ельцина, стал туда ездить, незаметно же дети оказались в Лондоне.

Был такой забавный эпизод. Месяца за три до ухода я назначил в журнале аудиторскую проверку — люблю, чтобы все было чисто. Ока-

С Михаилом Горбачевым в наши дни. Фото Феликса Розенштейна

зались, Гушин и Юмашев по мелочам, но ловили — из социальных фондов журнала оплачивали разные так уроки тенниса, посещения бассейна, короче говоря, мелкое жульничество. В этом был определенный стиль, он позднее получил, по моему, развитие в семье президента. В общем, с Юмашевым работать хорошо, если ты его контролируешь.

— А чем он мог привлечь Ельцина?

— В моем представлении, Ельцин — неимоверно одинокий человек. А тут такой ласковый Юмашев рядом, он и голову на плечо положит, и по ночам с тобой разговаривает. Я не очень представляю отношения Ельцина с женой и дочерьми. Я не очень представляю отношения Ельцина с женой и дочерьми. Я не очень представляю отношения Ельцина с женой и дочерьми.

У меня своя теория того, что произошло у нас в стране. Главное, что произошло Большая Чиновишная Революция, Валентин Юмашев — представитель именно этого класса. Вы знаете, что сейчас у нас в полтора раза больше чиновников, чем в СССР? Рассуждения о том, диктатор Путин или нет, — пустая болтовня, главный вопрос для страны и его (Путин) выживания — тронет он чиновников или нет. Новоиспеченное «Единство» — очень показательное явление. Это районные начальники, которых поманили московскими квартирами. Не так давно по телевизору была передача о Сликсе — это же чудовище! Это секретарь райкома старых времен! А как она рассказывала, что может мужиков матерком послать! Попробовал бы Путин проткнуть на ее привилегии! Если у древних между тьмой и рассветом был Час Быка, то у нас настал Час Жлоба. Пришла жлобия, она себя в Думе вполне ком-

фортно чувствует. Когда начинается дележка, им всем что-то нужно. Короче говоря, власть не любит людей, которым ничего не нужно.

Когда берешь цифры и узнаешь, что у нас на обслуживании служебного транспорта расходуется до 40 миллиардов рублей в год (это около 1,5 миллиарда долларов), понимаешь, что в такой стране никаких перемов быть не может! Автопарк британского правительства — 25 автомобилей, в нуждающейся России около 600 тысяч служебных автомобилей! Путин окружен людьми, о которых в открытую пишут, что они прохвосты и мошенники, Путин не делает ничего. Мне это напоминает заключительный период правления Горбачева. Помню, мне звонил Колбин, бывший в ту пору руководителем партконтроля, и говорит: я не хочу ни с кем связываться, вот тебе факты, ты их подай попроси. Я подал. Мне звонит Горбачев: не расквашай ложку! То же самое делает сейчас Путин, он должен либо отмахиваться от этих людей, либо идентифицироваться с ними. Я когда-то Горбачеву сказал неприятные слова: невозможно быть гибридом Сахарова и Пинчотева. Именно такая позиция сейчас у Путина. А чиновничье государство продолжает укрепляться.

Вот от этого я отхожу в Америке. У нас не обратили внимания на сообщение, что Клинтон взял кредит в банке и купил дом под Нью-Йорком, также не обратили внимания на сообщение о том, что Ельцину просто так отдали Горки-9. Почему? Почему у него остался «Мерседес» ручной сборки, который немцы со скидкой продали за 600 тысяч долларов? Почему Ельцин неподвластен закону, особенно на фоне бывшего канцлера Коля, разрываемого немецкими зако-

нами? Мне в Америке делали операцию по соседству со мной в операционной лежал губернатор. У нас сотни миллионов долларов уходят на содержание ЦКБ и всяких спецназовцев! В Польше специальные медицинские обслуживания имеют президент, премьер-министр и два вице-премьера. В США только президент и вице-президент прикреплены к госпиталю военно-морских сил.

Ко мне в предвыборный период обратились из «агитбригады» СПС: 600 тысяч служебных автомобилей! Путин окружен людьми, о которых в открытую пишут, что они прохвосты и мошенники, Путин не делает ничего. Мне это напоминает заключительный период правления Горбачева. Помню, мне звонил Колбин, бывший в ту пору руководителем партконтроля, и говорит: я не хочу ни с кем связываться, вот тебе факты, ты их подай попроси. Я подал. Мне звонит Горбачев: не расквашай ложку! То же самое делает сейчас Путин, он должен либо отмахиваться от этих людей, либо идентифицироваться с ними. Я когда-то Горбачеву сказал неприятные слова: невозможно быть гибридом Сахарова и Пинчотева. Именно такая позиция сейчас у Путина. А чиновничье государство продолжает укрепляться.

Честно говоря, я не представляю, как сейчас можно справиться с нашим чиновничеством, любой, кто только попробует его тронуть, вылетит из власти. Почти в два раза чиновничество сокращалось дважды в советской истории — при Хрущеве и Горбачеве. Их судьба известна.

— В свое время вокруг «Огонька» сложилось определенное общество — сливки демократов. Как бы вы могли охарактеризовать перемены, которые произошли с этими людьми?

— Часть этих людей сумели соединить свой талант и либеральное мышление с умением делать деньги.

Скажем, работавший у меня Володя Яковлев быстро слепил свои миллионы, застал «Коммерсант» и живет теперь в Америке. По-моему, не голодает его отец. Часть того общества отошла в тень, но тоже не голодает. Это, например, Попов, Афанасьев. Есть люди, которые не ощутили своего времени. Это Собчак, Гдлия, они бултыхаются во вчерашней реке, а время ускользало вперед. Существует старый принцип: кто угодно может начать две вещи — политическую кампанию и любовную игру, но признаком настоящего класса является умение не только начать, но и кончить и то и другое. Умение вовремя остановиться, найти новую роль очень важно. Чудовищные люди, играющие роль героя-любовника до 80 лет... Некоторые писатели оказались сейчас просто бедными. Некоторые трагичными. Для меня, например, трагичной фигурой является Евтушенко. Ему все время дают понять, что он здесь не нужен настолько, что свою жизнь он обеспечить не может, заканчивается его время и в Америке. Со мной в Бостоне работали три лауреата Нобелевской премии, в 65 лет каждому из них вручали бланк, на котором было сказано, что отныне он почетный профессор. Он может вести какой-нибудь курс, но быть штатным профессором уже не может. Когда Евтушенко прислал мне письмо на бланке почетного профессора, я ощутил трагизм его нынешнего существования. У него пятеро детей, разбросанных по миру, у него жена, дом и прочее, зарабатывать на это здесь он не сможет. Хорошо мне иметь детей, которые сами себя содержат, а у него есть дети, которые ходят в американскую школу. Надо помнить, что дети, два года проучившиеся в американской школе, — практически отрезанный ломтик. Трагизм Евтушенко в том, что ему постоянно и неблагодарно напоминают, что ни здесь, ни там ему делать уже нечего.

Но это вполне закономерный итог, нельзя остаться в 60-х, когда на поэтов собирались стадионы, нельзя застрять и в перестройку, когда Запад поменялся на Россию. Важно отдавать себе в этом отчет.

— Верно. Но людей жалко... Тяжело и в эмиграции, и здесь — приходится искать новое положение. Кто-то из эмигрантов пытается сохранить пророческий статус, например, Василий Аксенов. Здесь он рассказывает, как Америка его уважает, там — как его любит Россия. У него тоже сюда приезжать чаще, искать свое постоянное место на свете. Мне кажется, очень важно понять свое время и свое место, они есть у любого человека. Например, эмиграция — это капсула времени. Я встречался с эмигрантами 60-х, они вспоминали что-то связанное со мной из того времени, перед ними выступали Анда Велишева и Валентина Толкунова, потом слои 70-80-х со своими кумирами и пророками, для них привозили спектакли «Сори» с Чуриковой и Караченцовым. Они живут в виде застывших слепков своего времени, это ужасно...

Одна из наших серьезных проблем состоит в том, что наш общественный уровень опустился. В Америке, скажем, я не знал, как жить богатыми людьми, точно так же я не знал, как живут бедные, мне негде было с ними пересечься. Тут, например, в моем доме в Москве и какие-то сумасшедшие поклонники Сталина, и бабы в собольих шубах, у пользада одновременно припаркованы «Мерседес» и «Запорожец». Все друг друга раздражает. При советской власти было много тайного, никто не знал, где находится 200-я секция ГУМА, в которой выдавали одежду номенклатуре. Сейчас бутылки на каждом шагу, это раздражает простых людей. Все у нас во власти, а это опасно. Коммунизм и фашизм — это, по сути, болезни голодных людей. Американцы победили коммунизм, когда всех накормили. Я как-то для себя определил, что в Америке к бедным относятся, как к рзкетирам: им отступают, чтобы не беспокоили. Это в конечном итоге обходится дешевле, и они застрахованы от появления Ленина-Сталина-Англова. Нам все это еще только предстоит создать. Вообще наша постоянная подвешенность довольно сильно угнетает. Я благодарен Америке за относительную стабильность, которую я там имел.

— В одном из интервью вы сказали: «Я не создан для стабильной жизни»...

— Дело в том, что я никогда больше 5-6 лет нигде не работал. Я окончил медицинский институт, в течение пяти лет окончил аспирантуру, защитил диссертацию и ушел. Пять лет я был секретарем Союза писателей Украины, меня выгнали. Пять лет я редактировал журнал в Киеве, пять лет — в Москве. Для меня очень важной была одна моя вполне несветская черта, на нее мне независимо друг от друга указали Кожевников и Чаковский: с тобой можно работать, у тебя всегда есть товар. Когда я терял постоянную работу, я ехал то на Дальний Север, то в Таджикистан, об этом я писал книги, мне было что предложить на литературный рынок. Я не стал и уже не стану человеком типа Ястремского, который идет служить то одному, то другому: материально можно жить хорошо, но это жизнь подневольного свитского человека.

— И о теме почти сакральной — о шестидесятилетии. У нас сказано много уничтожающих слов о шестидесятилетии, многие не принимают его абсолютно, например, по такой схеме: Короткий председательствовал в Союзе писателей, написал поэму «Ленин, том 54» — с ним разговаривать не о чем. Могли бы вы описать механизм перемен в нашем мировоззрении?

— Я все прошел вместе со всеми. Рос я в беспартийной семье ученых, не испытывая идеологического давления. Но долгое время для меня и моего

поколения Ленин был некой антизой Сталину. Я помню, ко мне в редакцию «Огонька» в самое революционное время пришли итальянские журналисты, а у меня в кабинете продолжал висеть портрет Ленина. Они кивают на него, я им ответил так: если взять наши католические категории, то мы сейчас боремся против Господа мы перейдем на следующем этапе. Негативные вещи о нем я узнал довольно поздно, до этого он был для меня добрым человеком, который не успел построить Царство Добра. Миша Шатров писал об этом увлекательные пьесы...

Я думаю, что мое поколение было очень счастливым. Никита Сергеевич открыл маленькую щелочку, и мы в нее шмыгнули, причем нас было немного. Когда-то Андрей Вознесенский очень точно сказал: мы шмыгнули, а за нами остались ребята талантливейшие и образованнее нас. Щель закрылась. Скажем, Бродский уже не мог пройти сквозь эту стену. Чтобы говорить о достоинствах и недостатках шестидесятников, нужно было пройти все этапы, все испытать на себе. Я очень боюсь людей, которые сизмалства имели антикоммунистические убеждения, они выжили в обществе, чего-то достигли и при этом ненавидели идеологию, Ленина и пр. Выходит, они жили в атмосфере такого вранья по отношению к самим себе, что они просто социально опасны.

В партию меня принимали специальным решением. Когда в Киев меня назначили главным редактором журнала, выяснилось, что я не член партии. Протеста у меня это не вызвало. Неприятие вызывает у меня эпатирующая журналистика многих сегодняшних ребят или, например, акт сожжения перед телевизионной аудиторией своего партбилета Марком Захаровым. «Огонек» был первым журналом, распустившим свою партийную организацию. Но закрыл я ее совершенно по-фарисейски, как делал и многое другое. Я выступил следующим образом: у нас, мол, такое разное общество, общество, имеющее одну парторганизацию просто нельзя, ведь можно встать на учет в домоуправлении или издательстве «Правда», давайте разойдемся в качестве первого опыта. И парторганизация проголосовала за самороспуск. Потом я снял орден Ленина с обложки журнала, меня вызвали в ЦК, мой довод: вы же не носите орден на пальто. Прошло и это. Многие вещи мы делали таким образом. Безусловно, приходилось врать, но, скажем, Горбачев врал куда изысканнее. Я встречался с ним примерно год назад, мы долго разговаривали. Желая сделать ему комплимент, я говорю: «В Америке я всем рассказывал, до чего убедительно вы вошли во власть. Ведь когда вас выдвигали на пост генерального секретаря, инициатором оказался один из самых закоренелых членов политбюро Громыко». Он отвечает: «Да я за полчаса до политбюро вызвал его и сказал: хочешь работать, выдвини меня». И все!

Я совершенно искренне писал о Ленине, при этом, повторяю, я не подписывал никаких писем против кого бы то ни было. А ведь литераторы подписывали такие письма десятками. У каждого о существовании своей системы табу, важно понимать и себя, и свое поколение.

— Вы можете сказать, что одной из главных черт шестидесятников был цинизм?

— В чем-то был цинизм. Но главное в другом... Как-то я разговаривал с Наумом Коржавиным, с которым мы периодически в Бостоне ругались, и он вдруг очень точно определил суть одного моего приятеля поэта: «Он с коммунистами — коммунист, с антикоммунистами — антикоммунист, с евреями — еврей, с антисемитами — антисемит, но самое страшное, что он всегда искренен! Такой человек, человек, лишившийся внутренней чистоты, даже пострашеннее сознательно хитрящего циника. Это относится не только к людям моего поколения, но и к людям, порожденным моим поколением. Тот же Юмашев представляет тип людей, которые служат не идее, а человеку, они прилипают к носителю силы.

— В этом смысле замечательно себя показал Марк Захаров в передаче «Глас народа», в которой выступали и вы. Логика убийства: мне позволили из администрации президента: «Надо поддержать Путина», я пошел и поддержал.

— Да, это было интересно. По замыслу, мы должны были обсуждать проблему: нужно ли интеллигенции идти во власть. Захаров считает, что нужно. Моя точка зрения такова: нужно бороться за власть, в которой должны быть интеллигентные люди. Прямо торчать во власти у интеллигента все равно не получится, у нас разный стиль мышления... Как-то в Бостонском университете я показывал фильм Би-би-си про Сахарова, там, в частности, есть рассказ о том, как маршал Неделин проводил испытание водородной бомбы. После испытания маршал пригласил всех на ужин. Сахаров встал и предложил toast за то, чтобы эта бомба никогда не взорвалась над людьми. Неделин выступил алаверды: в деревне муж и жена ложатся спать, муж молится: «Господи, укрепи и направь меня», а жена говорит: «Господи, ты же только что утвердил, а направляю я сама!» В принципе это суть отношения интеллигенции к власти: вы, ребята, сделайте бомбу, а дальше наше дело...

Мое поколение — это не только такие слабые либералы, как я, это и люди, которые за убеждения сидели по тюрьмам, и люди, которые до сих пор отстаивают свои либеральные взгляды. Слава Богу, поколение не однородное.

— Последний вопрос. Вы сейчас пишете стихи?

— Нет. Не пишу уже лет семь. Это расплата за суету, постоянные разъезды. Стихи ушли от меня.